

Введение

В современной лингвистике все возрастающий интерес к сравнительно-исторической проблематике характеризуется не только стремлением /после длительного господства разных направлений синхронной лингвистики/ к преодолению соссу-ровской антиномии между описательным и историческим языко-знанием. Последний период развития лингвистической науки ознаменовался значительным расширением круга языков, ис-следуемых в сравнительно-историческом аспекте. В орбиту сравнительно-исторической лингвистики вводится материал самых различных языковых групп, ранее находившихся за ее пределами.

Хотя сравнительно-исторический метод считается единым и универсальным /и с этим тезисом, по-видимому, трудно не согласиться/, современная компаративистика ставит новые задачи, связанные с более глубоким осмыслением языкового развития, в том числе исходных языковых состояний. Совер-шенствованию традиционных диахронических методов исследо-вания, приемов реконструкции, выявлению их степени надеж-ности и эффективности должен способствовать новый материал большого числа языковых групп, обнаруживающих различные внутренние и внешние связи. В этом отношении заслуживают внимания многочисленные коренные языки Кавказа, лишь не-давно ставшие объектом сравнительно-исторического языко-знания.

Сравнительно-историческое изучение грамматики /как фо-нетики и лексики/ адыгских языков не имеет длительной тра-диции. Первые наблюдения в этой области сделаны Ж.Думези-лем, установившим некоторые морфологические соотношения между адыгскими и другими западнокавказскими языками /Dumezil, 1932/. Хотя состояние изученности данной группы

языков в тот период не позволило построить сравнительно-историческую морфологию /не были выявлены не только звуко-соответствия между сравниваемыми языками, но и между языками и диалектами отдельных подгрупп/, исследование Ж.Дюмезиля сохраняет до сих пор ценность для сравнительной грамматики западнокавказских языков.

Значительный вклад в разработку сравнительно-исторической грамматики адыгских /шире — западнокавказских/ языков внесли Г.В.Рогова и К.В.Ломтатидзе. Трудно переоценить значение их трудов в становлении и развитии западнокавказской компаративистики. Работы Н.Ф.Яковлева и Д.М.Ашхамафа, хотя и посвящены синхронному анализу фонетики и грамматики адыгских языков, содержат ценные наблюдения и над историей развития отдельных грамматических явлений. За последние три десятилетия в нашей стране и за рубежом /в Голландии, Франции, Англии и других странах/ по вопросам грамматического строя адыгских языков появилось довольно много исследований. В последних соотношении синхронии и диахронии неодинаково, что объясняется степенью разработанности отдельных проблем и конкретной задачей, которую ставят их авторы. В данную работу не включен подробный обзор литературы и разных точек зрения. Однако в силу специфики самого жанра сравнительно-исторической грамматики нами учитывается основная литература.

При разработке сравнительно-исторической морфологии наиболее дискуссионными оказались проблемы, связанные с диахроническим строением корня и основы и грамматической категорией класса. По этим вопросам существуют разные точки зрения. Н.Ф.Яковлев /1927/ выдвинул теорию первичности односложных корней открытого типа в адыгских языках. Речь идет о корнях типа "согласный + гласный": адыг., каб, нэ 'глаз', пэ 'нос', гу 'сердце', дэ 'шить', уэ 'бить'. В последующих работах Яковлева односложные корни открытого типа становятся основным материалом, на основании которого строятся его теоретические выводы об историческом развитии морфологического строя и лексического состава адыгских языков. Исследователь полагал, что односложные корни откры-

того типа "представляют собой уже не развивающийся далее исторический остаток" /Яковлев, Ашхамаф, 1941/. Образование производных основ и аффиксальных морфем на базе этого "древнего остатка" лексики Яковлев относит к более поздней эпохе, когда на смену аморфного языка возникли агглютинация и полисинтетизм /216/. Нетрудно заметить, что теория Яковлева об историческом развитии морфологического строя адыгских языков опирается на известную концепцию стадиального развития языка Н.Я.Марра.

Противоположное мнение о древней структуре корня и основы в адыгских языках принадлежит Г.В.Рогава, согласно которому корни типа дз 'нос', нз 'глаз' в прошлом были осложнены, с одной стороны, префиксальным элементом, служившим морфологическим средством выражения грамматической категории класса, с другой — детерминативным суффиксом /Рогава, 1956/. Рогава приходит к выводу: "... то, что в этих языках в настоящее время представлено в простом виде, в виде односложных основ типа открытого слога /нз 'глаз', пз 'нос', лз 'рука' и т.д./, является результатом сложного процесса развития, приведшего к утрате ряда основных грамматических категорий и вместе с тем сильного изменения фонетического облика языка" /Там же, 116/.

К.В.Ломтатидзе /1961/ также считает, что классные префиксы исторически различались в именных основах абхазского языка. Относительно строения корня она полагает, что в абхазском и абазинском исходной моделью является тип корня "согласный + гласный". "Исторически корни были простые — CV. Гласные а, ы были лишены самостоятельности; они сопровождали согласные" /1975, 297/.

В отношении общеадыгского корня мы исходим из динамической теории реконструкции. В основе концепции, согласно которой для общеадыгского /или общеабхазского/ праязыкового состояния постулируется одна-единственная модель корня /или основы/, лежит статическая теория реконструкции корня. Известно, что статическая теория реконструкции длительное время господствовала в традиционной индоевропейской компаративистике /ср., например, теория Э.Бенвениста об индоевропей-

ском корне/. Однако праязык, как и живой современный язык, имеет продолжительную историю сложения и развития, что, на наш взгляд, исключает существование лишь единственной модели корня или основы. У нас нет данных ни внутренней, ни внешней /сравнительной/ реконструкции, чтобы полагать, что адыг., каб. псы 'вода', бзэ 'язык', адыг. мэзы 'лес', блы 'семь', адыг. хьач1э, каб. хьэш1э 'гость', адыг., каб. пшъаш1э 'девушка', составляющие разные модели /SSV, SVSV, SSVSV/, морфологически членимы на общеадыгском уровне. Если даже делать теоретическое допущение /практически оно не поддается проверке/, что подобные модели морфологически производны /разложимы/ в более глубокий хронологический период /чем общеадыгский/, то и в этом случае они сохраняют статус корневых морфем в общеадыгском языке.

На современном этапе развития сравнительно-исторического языкознания не представляется возможным возвращение к статической реконструкции вообще и реконструкции корня в частности. В соответствии с динамической теорией реконструкции нами была предложена реконструкция общеадыгского корня как единицы онтологического уровня, подвергающейся постоянным преобразованиям в праязыковый период. Для общеадыгского и более ранних хронологических уровней постулируется не одна модель, а разные модели корня — CV, CCV и др. /Кумахов, 1976; 1981/.

Относительно префиксальных морфем грамматических классов в именных основах западнокавказских языков выдвинуто следующее положение: "... если постулировать существование действующих классных показателей в именных основах, то с точки зрения релятивной хронологии они могут соотноситься лишь с эпохой, предшествовавшей периоду западнокавказского языкового единства" /Кумахов, 1976/. Данная монографическая работа /как и предшествующая книга, посвященная сравнительно-исторической фонетике адыгских языков/ основывается на положении, согласно которому категория грамматических классов и категория детерминантов элиминируется из общеадыгского состояния. Это существенным образом определяет методические приемы реконструкции и исходные позиции

автора настоящей монографии для построения сравнительно-исторической грамматики адыгских языков, поскольку существует другое мнение, что историческая морфология этих языков пронизана грамматическими категориями классов и детерминантов.

Основным материалом сравнительно-исторической грамматики являются данные современных адыгских диалектов и говоров, не только продолжающих во многом общеадыгское состояние, но и демонстрирующих тенденции развития грамматического строя в период после распада языка-основы. За последние десятилетия исследованы основные диалекты и говоры адыгских языков, выявлено большое многообразие архаизмов и новообразований, проливающих свет на общеадыгское состояние морфологической системы и на ее эволюцию в истории самостоятельных адыгских языков. Существующие диалектологические работы в совокупности создают солидную базу для сравнительно-исторического изучения адыгских языков.

Хотя западнокавказская компаративистика располагает уже определенной традицией, все же следует признать, что очень многое в этой области остается еще неясным. Кроме того, степень разработки проблем сравнительно-исторической грамматики западнокавказских языков различна, что и нашло отражение в предлагаемой монографии.

Основное место в работе занимает анализ морфологических /словоизменительных и словообразовательных/ явлений. Что касается синтаксиса, то рассматриваются лишь типы словосочетаний и некоторые вопросы строения предложения. Это объясняется не только отсутствием традиций в изучении синтаксиса западнокавказских языков в диахроническом аспекте, но — что не менее существенно — общим состоянием разработки сравнительно-исторического синтаксиса, его методов и приемов реконструкции в языкознании. Достаточно сказать, что даже в индоевропеистике "синтаксис еще настолько мало реконструирован, что не может служить базой для дальней реконструкции" /Савченко, 1974/.

Методы реконструкции, трактовка общеадыгского языка, его отношение к более ранним праязыковым состояниям, а

также современным адыгским языкам и диалектам изложены в предшествующих работах автора /Кумахов, 1980; 1984/. Не возвращаясь к этим вопросам, отметим, однако, что реконструкция дается нами в рамках относительной хронологии. При этом относительную хронологию мы понимаем не как простое разграничение архаизмов и инноваций или в смысле "что раньше создано, что позже возникло". Относительная хронология соотносится с определенным хронологическим уровнем — общеадыгским, адыгско-убыкским, общеабхазским, западнокавказским. Подобное понимание относительной хронологии важно для сравнительно-исторического исследования языков, не имевших давних письменных традиций. Число подобных языков во много раз превосходит число тех относительно немногочисленных языков, которые могут быть исследованы /и исследуются/ традиционным /филологическим/ методом.

Автор понимает, что настоящая работа как первый опыт построения сравнительно-исторической грамматики адыгских /черкесских/ языков окончательно не решает всех рассматриваемых проблем. По ряду вопросов существуют иные взгляды, что вполне объяснимо при современном состоянии сравнительно-исторического изучения грамматики западнокавказских языков. Исследование основывается на собственных наблюдениях, предшествующих работах автора, достижениях западнокавказской компаративистики и диалектологии.

По направлению, методическим приемам, отбору материала и хронологическим рамкам данное исследование является продолжением ранее вышедшей работы по сравнительно-исторической фонетике адыгских языков /Кумахов, 1981/.

О подаче материала и транскрипции

В сравнительно-исторических работах, посвященных западнокавказским языкам, нет единой формы подачи фонетического, лексического и грамматического материала. В этой работе /в зависимости от конкретной цели анализа/ глагол дается в форме корня /основы/ или в форме на -н, существительные в абхазском — в неопределенной или артиклевой форме.

Как принято в ряде других компаративистских исследований, звездочка /астерикс/ не ставится перед архетипом, если перед ним стоит помета /"общеадыг." и др./ или указывается хронологический уровень /общеадыгский, адыгско-убыхский, западнокавказский/, к которому он относится. Материал западнокавказских языков дается в унифицированной транскрипции. В монографии используются знаки адыгских /частично абхазского и абазинского/ алфавитов с некоторыми дополнениями. ЛабIALIZация согласного во всех западнокавказских языках обозначается знаком у.

Таблица транскрипционных знаков и их соответствий на латинской графической основе:

а	a	дзу	z'	кьу	q'	т1	t	ц	ɔ
э	ɛ	дэ	ẓ	ккьу	qq'	т1у	t'	ц1	ɔ'
б	b	ж	ʒ	кь1	q	у	ʋ	ч	ɕ
б̣	ḅ	ж̣	ʒ'	кь1у	q'	ф	f	чч	ss
в	v	жу	ʒ'	кь1ь	q'	ф1	f'	чу	ɕ'
г	g	ж̣	ʒ	кь̣	q'	фу	f'	ч̣	ɕ'
г̣	g̣	ж̣у	ʒ'	л	l'	х	x'	ч̣ч̣	ɕ'ɕ'
гь	g'	з	z	л̣	l'	ху	x:	ч1	ɕ
гу	g'	и	i	л1	l'	х̣	x	ч1у	ɕ'
гь	γ	й	j	м	m	хьу	x'	ч1ь	ɕ'
гь̣	γ̣	к	k	н	n	х̣	h	ш	ʃ
гь̣у	γ'	кк	kk	о	o	хь̣у	h'	ш̣	ʃ'
г1	ʋ	к̣	k'	п	p	х̣	h	ш̣̣	ʃ̣
г1у	ʋ'	кк̣	kk'	пп	pp	х̣у	h'	ш̣̣у	ʃ̣'
ш̣у	ʋ'	ку	k'	п1	p	х̣̣	x'	ш1	ɕ'
д	d	кку	kk'	п1у	p'	ц	c	ш1у	ɕ'
ду	d'	к1	k	р	r	цц	cc	1	'
дж	ʒ	к1ь	k'	с	s	цу	c'	1у	'
дж̣	ʒ'	к1у	k'	т	t	ццу	cc'	ы	ə
джу	ʒ'	к̣	q	тт	tt	ц1	c		
дэ	z	кк̣	qq	ту	t'	ц1у	c'		